

УДК 101.1:316.4.062:340.114.3

**РЕГУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВА:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ**

Е.В. Молчанова, В.Е. Лоба, И.А. Абдулаева

**REGULATORY FUNCTION OF LAW:
SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT**

E.V. Molchanova, V.E. Loba, I.A. Abdulaeva

Аннотация. Автор анализирует регулятивную функцию правового сознания, связанную его нормативностью. Была поставлена цель – выйти за рамки изучения гносеологической функции правового сознания и подойти к социально-философской интерпретации ее творческой, регулятивной функции. Рассматривается взаимосвязь права, морали и политики. Автор делает вывод о том, что в регулятивной функции права выражается творческая природа правового сознания. Сознание не только выражает общественные отношения, но придает им форму, упорядочивает и совершенствует. Основой для понимания активности и творческой природы правового сознания выступает социокультурная автономность общественного и индивидуального сознания. В регулятивной функции права получает свое адекватное выражение творческая природа правового сознания.

Abstract. The author analyzes the regulatory function of legal consciousness associated with its normativity. The relationship between law, morality and politics is considered. The author concludes that the creative nature of legal consciousness is expressed in the regulatory function of law. Consciousness not only expresses social relations, but gives them form, streamlines and improves them. The basis for understanding the activity and creative nature of legal consciousness is the socio-cultural autonomy of social and individual consciousness. In the regulatory function of law, the creative nature of legal consciousness receives its adequate expression.

Ключевые слова: право, социальное регулирование, социальная функция, правовое сознание, нормативность, автономность, коммуникация, диалог.

Keywords: law, social regulation, social function, legal consciousness, normativity, autonomy, communication, dialogue.

Актуальность темы состоит в том, что правовое регулирование общества выражает суть цивилизации, способность общества к своего рода «технологическому» саморегулированию социальной деятельности. В аспекте правового воспитания существует дилемма: получают ли люди свободу и будут добровольно следовать законам или находиться под принуждением и внешней необходимостью исполнения этих законов. В любом случае существуют риски: во-первых, риск свободы и ответственности за эту свободную деятельность; во-вторых, архаизация поведения и бегство от свободы и ответственности, объективация субъектов. Изучение правового регулирования общества необходимо в контексте отражения состояния организационных оснований российской цивилизации.

Характерно, что известный панморализм и связанный с ним нигилизм в российском обществе ослабляют регулятивную функцию права. Никишова обосновывает положение о том, «на современном этапе развития российского общества отсутствует механизм взаимодействия норм морали и права» [7, с. 8].

Термин «функция права» употребляется для характеристики того или иного направления в социальной роли государства и права. Право как раз возникает на определенном историческом этапе в связи с потребностью регулировать все усложняющиеся общественные отношения. Усложнение в классовом обществе социальных, экономических, нравственных, политических отношений приводит к тому, что изменяется нормативная система общества. От сугубо традиционного мифологического и религиозного регулирования с помощью традиции общество переходит в определенной технологии нормативного управления и саморегуляции социума. Государство вводит не только политические нормы, но правовые законы законов и следит за их соблюдением. Классические схемы теоретического анализа права во много подчеркивали его отражательную функцию. Право рассматривалось как отражение экономических и политических общественных отношений. Это часто подчеркивалось формулой «Общественное сознание отражает общественное бытие».

Задача данной статьи состоит в том, чтобы выйти за узкие рамки исследования гносеологической (отражательной) функции правового сознания и перейти к социально-философскому анализу ее творческой, регулятивной функции.

В настоящее время отражательную функцию права не относят к основным функциям. Несмотря на ведущуюся дискуссию по поводу функций права, правоведы сходятся в том, что основных функций права три: регулятивная, охранительная, воспитательная [14, с. 56–57]. Более того, регулятивная функция стоит на первом месте, что само по себе требует своего научного осмысления. Н.А. Плахотина в этом отношении полагает, что «в соотношении с защитной функцией, регулятивная функция права является первичной» [5, с. 193]. Аргументирует она это положение тем, что при достаточно полной реализации регулятивной функции права реализация охранительной (защитной) функции становится ненужной. Если максимально расширить область реализации данной (регулятивной) функции, то жизнь людей нормализуется, укрепится верховенства права, но отпадет необходимость в расширении сферы действия репрессивного аппарата, который выполняет охранительную функцию права.

В чем состоит социально-философское объяснение такого положения дел с первичностью регулятивной функции права? На наш взгляд, регулятивная функция выражает творческое начало права. В свою очередь творческое начало право коренится в социокультурной автономности правового сознания и связанной с автономностью правового сознания его внутренней активностью и диалогичностью. Относительная самостоятельность и автономность правового сознания в социально-философском аспекте начала изучаться еще в конце XIX века. Политическое сознание влияет на степень

адекватности отражения социальной реальности в правовом сознании и оказывает влияние на регулятивную функцию права. Ф. Энгельс отмечал, что в интересах господствующих классов политическое сознание выливается в непротиворечивые, логично согласованные структуры права [17, с. 416]. Попытку развить эту идею относительной самостоятельности и активности правового сознания предпринимал В.А. Чефранов [16]. Однако сделал он эту попытку на основе методологии социального отражения. Это обусловило незначительность полученного им результата.

Классический марксизм рассматривает общечеловеческое узко, как классовое в национальном (политизированное «интернациональное»), а в действительности существует и обратная зависимость – классовое есть общечеловеческое в особенных формах национальных культур, которые не ограничиваются политическим аспектом. Обращение к собственным внутренним основаниям правового сознания дает возможность для понимания его автономности и активности.

Автономность, творческую природу и регулятивную активность правового сознания в настоящее время исследуют Е.И. Бурьянова, Э.Р. Глечян, Э.П. Малинова, А.Д. Похилько, И.Л. Честнов и другие философы [1; 3; 4; 6; 7; 8; 13; 14; 15]. Феномен автономности – это сущностная, идеальная форма выражения правового сознания, это его априорная структура, существующая независимо от гетерономных факторов политики, морали и т. д. Гетерономные факторы противоречиво влияют на правовое сознание. Например, они искажают, деформируют его либо охраняют его.

Автономия предоставляет субъекту знания широкие возможности аналитики права, логического его применения, интерпретации, выводит субъекта из объективированного состояния в состояние свободы выражения взглядов на право, на правоприменение и нормотворчество. Однако автономия предполагает не просто любое правоприменение, а учет в контексте позитивного и естественного права [10, с. 46–47].

Релятивность правового сознания тесно связана с его нормативностью. Правовые нормы выступают средством узаконивания моральных норм, их отбора как наиболее важных. Право основано на морали и поддерживается ею. Тем не менее, правые нормы не совпадают с нравственными нормами. Право отличается от нравственности тем, что имеет достаточно оправленную систему санкционирования [12]. Если нравственные санкции подвижны, динамичны, то содержание норм права проявляется в жестких формах. Нормативные акты самой высокой силы фиксируются как юридические законы.

Совокупности таких правовых норм, которые регулируют однородные общественные отношения, обозначаются как правовые институты. Своеобразие регулятивной функции норм права состоит в силе их влияния на поведение людей. Такая сила превращает их в надежное средство регулирования и стабильности социума, что отличает их от других социальных норм. В связи с этим право является одним из главных регуляторов человеческой

деятельности, которые дают возможность решать существенные задачи по упорядочиванию общественной жизни.

Чрезвычайно высокую силу нормам права дает то, что их действие охраняет карающая сила государственного аппарата. Нормы права становятся моделями желаемого поведения либо запретами девиаций, отклонений от образцов, упорядочивают и стабилизируют человеческие отношения, обуславливая их постоянство и единообразие.

Подчеркнем творческий характер правового сознания в аспекте его социокультурной автономности как важнейшей цивилизационной формы духовной культуры. Этот вопрос рассматривает И.П. Малинова, выявляя взаимосвязь регулятивной функции права с социальной синергетикой [5, с. 1]. Она выявляет место права в процессах самоорганизации общества и рассматривает нормативное конструирование всей социальной реальности. Законотворчество – это разновидность социально-проектной деятельности. Проблема правотворчества представляет особый интерес в связи с тем, что в законотворчестве выражаются социальные интересы и ценности. В этом отношении обнаруживается теснейшая связь права и культуры.

В легитимации правовых норм, считает И.П. Малинова, существенную роль играют культурные коды [6, с. 132]. «Ведущая роль, – утверждает она, – принадлежит базовым культурным кодам, которые представляют собой тезаврированные в кодовой памяти социума фьючер-аттракторные программы его самоорганизации, нацеленные на синергичные взаимодействия людей в процессах позитивного конструирования социальной реальности» [6, с. 132]. Это серьезный аргумент в пользу того, что регулятивная функция в идеале означает саморегуляцию общества, его творческий процесс самоорганизации.

Правовое творчество связывает автономию правового сознания и социальную регуляцию и саморегуляцию. Регулятивная функция права не только выражает его автономную сущность. Автономия всегда самораскрывается в диалоге. Диалогичность права привлекает внимание ряда исследователей [4, с. 20–23; 11, с. 505–507]. Например, Е.А. Дурова ставит вопрос о том, в какой сфере общественных отношений, связанных с правом, возможен именно правовой диалог. Обращаясь к формам правовой деятельности – правотворческой, правоприменительной и правоохранительной – диалоговая форма общественных правовых отношений возможна, скорее, «в правотворческой деятельности как интеллектуальной деятельности по созданию права, в самом ее широком смысле» [2, с. 21]. При этом в едином социально-философском контексте синонимичны «диалог в праве», «правовой диалог», «диалогизм», «диалогичность права» и наконец, «регулятивная функция права». Эти концептам даются такие итоговые существенные и отличительные признаки: универсальная абстракция, необходимая для уважительного отношения к Другому; отказ от привилегии собственной точки зрения, от доминирования или «агрессивного насилия»; артикуляция различий в рамках «продуктивной коммунальности», а не утопия дружбы и любви; признание необходимости Другого как необходимого условия выживания всех сторон диалога.

И.Л. Честнов также указывает, что диалогическая теория – это «применение соответствующих социально-философских концепций к исследованию права, связанное с выходом юриспруденции в междисциплинарную область» [11, с. 505–507]. И.Л. Честнов видит в правовом диалоге сущность права. И диалог, и регулятивная функция права выражают сущность права. Регулятивная функция права – это «свечение», особая рефлексия, сущности права в процессах упорядочивания и стабилизации общественных отношений. Регулятивная функция права концентрированно выражает континент нормативных диалогизмов духовной культуры. Как пример, можно привести норму справедливости, которая объединяет мораль, политику и право. Авторитетным исследователем в этом отношении является Ю. Хабермас, который разработал теорию коммуникативной рациональности [1; 2; 13; 18]. Рациональность Хабермаса основана на стремлении прийти к «взаимопониманию» в процессе коммуникации. В своих последних работах, посвященных праву и демократии [18], он показывает, что расширение публичного пространства коммуникации и дискуссии в современных обществах институционализирует потенциал языкового взаимодействия. Целерациональное и коммуникативное действие существует в системе таких координат, как «конвенциональные договоренности» (Вебер) (соглашения, конвенции между субъектами действий) и «сфера референций» (Хабермас) (знание, норма, интенция).

Таким образом, проблема регулятивной функции права, несмотря на ее изученность в конкретно-правовом аспекте, весь мало изучена в социально-философском плане. Ключом к пониманию творческой природы правового сознания является социокультурная автономность сознания. Именно в регулятивной функции права получает свое адекватное выражение творческая природа правового сознания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баженова, Е. А. Правовые идеи Юргена Хабермаса. Дискурсивный подход к праву / Е. А. Баженова. – Владимир : Издательство Владимирского государственного университета, 2022. – 127 с. – Текст : непосредственный.
2. Глебова, В. К. Концепция права Ю. Хабермаса : монография / В. К. Глебова. – М. : Юрлитинформ, 2022. – 175 с. – Текст : непосредственный.
3. Глечян, Э. Р. Автономия правового сознания: феноменологический аспект / Э. Р. Глечян, А. Д. Похилько. – Текст : непосредственный // История и обществознание. – 2018. – № XV. – С. 122–127.
4. Дурова, Е. А. Правовой диалог / Е. А. Дурова. – Текст : непосредственный // Диалогическая культура педагога : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Армавир, 18 апреля 2019 года). – Армавир : РИО АГПУ, 2019. – С. 20–23.
5. Малинова, И. П. Синергетические модели сложных систем в правовом регулировании и социальном конструировании (информационный капитализм против хаоса) / И. П. Малинова. – Текст : непосредственный // *Universum Juris*. – 2017. – № 2. – С. 1.

6. Малинова, И. П. Философия права и юридическая герменевтика : монография / И. П. Малинова. – Екатеринбург : Уральская государственная юридическая академия, 2013. – 172 с. – Текст : непосредственный.
7. Никишова, Н. В. Социально-философский анализ правовых норм современного российского общества : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук : 09.00.11 / Никишова Наталья Валерьевна. – Саранск, 2015. – 22 с. – Текст : непосредственный.
8. Плахотина, Н. А. Место регуляторной функции в системе функций права и в системе Европейского права / Н. А. Плахотина. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы права: теория и практика. – 2015. – № 31. – С. 186–193.
9. Похилько, А. Д. Автономность правового бытия и сознания / А. Д. Похилько, Е. И. Бурьянова. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 22. – С. 167–169.
10. Похилько, А. Д. Концептуализация феномена автономности правового сознания / А. Д. Похилько, Э. Р. Глечян. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2018. – Т. 1. – № 1. – С. 47–56.
11. Похилько, А. Д. Предпосылки автономии правового сознания / А. Д. Похилько. – Текст : непосредственный // Общество и право. – 2005. – № 1 (7). – С. 96–100.
12. Сидоренко, Н. И. Социальные нормы и регуляторы человеческой деятельности / Н. И. Сидоренко. – М. : Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 1995. – 184 с. – Текст : непосредственный.
13. Хабермас, Ю. Теория коммуникативной деятельности / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2022. – 878 с. – Текст : непосредственный.
14. Чашин, А. Н. Функции формы права в соотношении с функциями права: автономия и кооперация / А. Н. Чашин. – Текст : непосредственный // Научно-практические исследования. – 2021. – № 1-7 (36). – С. 56–63.
15. Честнов, И. Л. Право как диалог: к формированию культурантропологической онтологии права / И. Л. Честнов. – Текст : непосредственный // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации: XIII Международные Лихачевские научные чтения. – СПб., 2013. – С. 505–507.
16. Чефранов, В. А. Правовое сознание как разновидность социального отражения : философско-методологический очерк / В. А. Чефранов. – К. : Вища школа, 1976. – 210 с. – Текст : непосредственный.
17. Энгельс, Ф. Письмо К. Шмидту, 27 октября 1890 г. / Ф. Энгельс. – Текст : непосредственный // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. Т. 37. – 2-е изд. – М. : Издательство политической литературы, 1965. – С. 415–422.
18. Habermas on Law and Democracy: Critical Exchanges volume 6 by Michel Rosenfeld (Editor), Andrew Arato (Editor). University of California Press, 1998. 400 p.

REFERENCES

1. Bazhenova Ye. A. Pravovyye idei Yurgena Khabermasa. Diskursivnyy podkhod k pravu [Legal ideas of Jürgen Habermas. A Discursive Approach to Law], Vladimir, Izdatel'stvo Vladimirskego gosudarstvennogo universiteta, 2022, 127 p. (In Russian).
2. Glebova V. K. Kontseptsiya prava Y.U. Khabermasa [The concept of law by J. Habermas], monografiya, Moskva, Yurlitinform, 2022, 175 p. (In Russian).

3. Glechyan E. R., Pokhil'ko A. D. Avtonomiya pravovogo soznaniya: fenomenologicheskii aspekt [Autonomy of legal consciousness: a phenomenological aspect]. *Istoriya i obshchestvoznaniye = History and social studies*, 2018, no 15, pp. 122–127. (In Russian).

4. Durova Ye. A. Pravovoy dialog [Legal dialogue]. *Dialogicheskaya kul'tura pedagoga, Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, Armavir, 18 aprelya 2019 goda, Armavir, Armavirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet*, 2019, pp. 20–23. (In Russian).

5. Malinova I. P. Sinergeticheskiye modeli slozhnykh sistem v pravovom regulirovani i sotsial'nom konstruirovani (informatsionny kapitalizm protiv khaosa) [Synergetic models of complex systems in legal regulation and social construction (information capitalism against chaos)]. *Universum Juris = Universum Juris*, 2017, no 2, p. 1. (In Russian).

6. Malinova I. P. *Filosofiya prava iyuridicheskaya germeneytika* [Philosophy of Law and Legal Hermeneutics], Monografiya, Yekaterinburg, Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2013, 172 p. (In Russian).

7. Nikishova N. V. Sotsial'no-filosofskiy analiz pravovykh norm sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Socio-philosophical analysis of the legal norms of modern Russian society], avtoreferat dis. ... kandidata filosofskikh nauk, 09.00.11 / Nikishova Natal'ya Valer'yevna; [Mesto zashchity: Mord. gos. un-t im. N.P. Ogareva], Saransk, 2015, 22 p. (In Russian).

8. Plakhotina N. A. Mesto regul'yatornoy funktsii v sisteme funktsiy prava i v sisteme Yevropeyskogo prava [The place of the regulatory function in the system of functions of law and in the system of European law]. *Aktual'nyye problemy prava: teoriya i praktika = Actual Problems of Law: Theory and Practice*, 2015, no 31, pp. 186–193. (In Russian).

9. Pokhil'ko A. D., Bur'yanova Ye. I. Avtonomnost' pravovogo bytiya i soznaniya [Autonomy of legal being and legal consciousness]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*, 2015, no 22, pp. 167–169. (In Russian).

10. Pokhil'ko A. D., Glechyan E. R. Kontseptualizatsiya fenomena avtonomnosti pravovogo soznaniya [Conceptualization of the phenomenon of autonomy of legal consciousness]. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2018, V. 1, no 1, pp. 47–56. (In Russian).

11. Pokhil'ko A. D. Predposylki avtonomii pravovogo soznaniya [Prerequisites for the autonomy of legal consciousness]. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2005, no 1 (7), pp. 96–100. (In Russian).

12. Sidorenko N. I. Sotsial'nyye normy i regul'yatory chelovecheskoy deyatel'nosti [Social norms and regulators of human activity], Moskva, Rossiyskiy ekonomicheskii universitet imeni G.V. Plekhanova, 1995, 184 p. (In Russian).

13. Khabermas Y. U. Teoriya kommunikativnoy deyatel'nosti [Theory of communicative activity], Moskva, Ves' mir, 2022, 878 p. (In Russian).

14. Chashin A. N. Funktsii formy prava v sootnoshenii s funktsiyami prava: avtonomiya i kooperatsiya [Functions of the form of law in relation to the functions of law: autonomy and cooperation]. *Nauchno-prakticheskiye issledovaniya = Scientific and practical research*, 2021, no 1-7 (36), pp. 56–63. (In Russian).

15. Chestnov I. L. Pravo kak dialog: k formirovaniyu kul'turantropologicheskoy ontologii prava [Law as a dialogue: towards the formation of a cultural anthropological ontology of law]. Dialog kul'tur: tsennosti, smysly, kommunikatsii: XIII Mezhdunarodnyye Likhachevskiye nauchnyye chteniya, Sankt-Peterburg, 2013, pp. 505–507. (In Russian).

16. Chefranov V. A. Pravovoye soznaniye kak raznovidnost' sotsial'nogo otrazheniya: (Filosofsko-metodologicheskiiy ocherk) [Legal consciousness as a kind of social reflection: (Philosophical and methodological essay)], Kiyev, Vishcha shkola, 1976, 210 p. (In Russian).

17. Engel's F. Pis'mo K. Shmidt, 27 oktyabrya 1890 g. [Letter to K. Schmidt, October 27, 1890]. Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-ye izd. M., Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1965, T. 37, pp. 415–422. (In Russian).

18. Habermas on Law and Democracy: Critical Exchanges volume 6 by Michel Rosenfeld (Editor), Andrew Arato (Editor). University of California Press, 1998. 400 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Молчанова, Е. В. Регулятивная функция права: социально-философский аспект / Е. В. Молчанова, В. Е. Лоба, И. А. Абдулаева. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 4. – С. 170–177.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Molchanova E. V., Loba V. E., Abdulaeva I. A. Regulatory Function of Law: Social and Philosophical Aspect / E. V. Molchanova, V. E. Loba, I. A. Abdulaeva // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 4, pp. 170–177. (In Russian).